

лучшие грузинские романы последних лет завоевали большую читательскую аудиторию. Все более усиливается внимание к ним со стороны литературоведов. Сегодня мы публикуем статью старшего редактора отдела литератур народов СССР «Литературной газеты» Михаила Ивановича Вострышева, написанную по просьбе редакции газеты «Вечерний Тбилиси» и посвященную произведениям Нодара Думбадзе, Чабуа Амиразджиби и Отара Чиладзе.

ИЗУЧАТЬ историю средневековой Испании, не прочитав Сервантеса, — бесцельно. Рассуждать о смысле жизни, о человеческом достоинстве и сострадании, но не любить Рыцаря Печального Образа — удивительно.

Немногие знают по имени хоть одного короля Испании, а Дон Кихота и Санчо Панса, которые храмов не сжигали — не строили, в прославленных исторических битвах не участвовали, да и вообще никогда не появлялись на свет — знают все. В этом и великая миссия литературы, которая объединяет людей, но не в военные блоки, а в союзы любви и братства.

Книги — сокровенные мысли, завещанные одним поколением другому, — живут вечно. Древние египтяне верили, что останутся навеки не их дома, не памятники жрецам заупокойных служб, а папирусы, по которым писцы водили тростниковым пером.

Книга нужнее построенного дома, Лучше гробниц на Западе, Лучше роскошного дворца, Лучше памятника в храме, — поучал поэт с берегов Нила в конце II тысячелетия до нашей эры.

НОДАР Думбадзе, Чабуа Амиразджиби, Отар Чиладзе... Читая их книги, погружаешься в жизнь Грузии, непривычную для русского человека, и в души героев, знакомые и загадочные для любого читателя, будь он грузин, русский или испанец.

Трудно писать о том общем, что объединяет трех

грузинских писателей, — уж очень они непохожи, индивидуальны. Но истинный талант всегда таков. «Роман — это субъективная эпопея, — писал Гете, — в которой автор испрашивает дозволения на свой лад

го педанта писатель увлекает читателя, раскрывает перед ним души и сердца героев.

Зурикела, Сосойа, Таймураз Барамидзе, Заза Накашидзе, Бачана Рамишвили, Кукарача — как не схожи между собой герои писателя. Несхожи внешне: возрастом, судьбою, друзьями. Но все они солнечны, расточительны на душевное тепло. Видимо, автор сам не раз встречал восход солнца, набирался сил у его лучей, но не копил их для себя, а раздаривал людям.

— «О, светило! Не поки-

человека человек послал к анчару властным взглядом, и тот послушно в путь потек...». Но Мушни не наделен нравственной чистотой брата, и в нем, лишенном самоанализа и благородства, засыхает, гибнет душа.

Проблемы, веками мучающие человечество, образно представлены в романе. Писатель как бы напоминает нам: думайте, думайте над вечными вопросами, и только вы сами сможете их разрешить.

В чем разница между благородным графом Се-

но, спокойно движется повествование романа «И всякий, кто встретится со мной...»? Но через несколько страниц погружаешься в стихи прозы, и уже слышишь скрип половиц в жутком доме майора Кайхосро Макабели, бой часов, отсчитывающих время его существования на земле. Что-то сатанинское и вместе с тем жалкое соединено в герое: ненависть к внукам, которые взрослеют, а значит, убивают его время, подозрительная тишина снега и всюду страх, страх, страх...

— «И всякий, кто встретится со мной, убьет меня...», — сказал отец Зосиме.

— А? — наострил уши Кайхосро. — А? — Ему смутно почудилось что-то знакомое, давным-давно забытое...

— И всякий, кто встретится со мной... — повторил священник.

— А за что? Я-то ведь никого не убивал! — растерялся, рассердился, испугался Кайхосро. Глаза ему застлало красным туманом, словно белизну за окном вдруг осветило пламя.

У романа мог бы быть подзаголовок: семейная хроника. Герои связаны друг с другом родственными отношениями, любовью и ненавистью, надеждой и отчаянием. Солнечный луч — образы Бабуцы, Нико — врывается в повествование, согревает леденящий мрак семейства Макабели и поселяет веру, что человек, любящий, помнящий родство, осилит ненависть.

Тема родины, покинутой, но не забытой, потерянной и вновь обретенной, — стержень произведений О. Чиладзе, будь то роман о Колхидском царстве, поэма или стихотворение...

Помни, откуда ты родом. Помнишь ли, где саженец прадеда укоренился? жаркую, грубую шерсть — материнскую пряжу? Стлевшее рубище или

жалкие шлепанцы вымерших ныне святых?

НА ЗЕМЛЕ не должно быть искусства отчаяния, страха, ненависти, бесчувствия к человеческому страданию. Привилегия писателя состоит в том, говорил Уильям Фолкнер, «чтобы, возвышая человеческие сердца, возрождая в них мужество и честь, и надежду, и гордость, и сострадание, и жалость, и жертвенность, — которые составляли славу человека в прошлом, — помочь ему выстоять. Поэт должен не просто создавать летопись человеческой жизни; его произведение может стать фундаментом, столпом, поддерживающим человека, помогающим ему выстоять и победить».

Мужество и честь... Мельник Баглар согласен лучше умереть, чем молотить зерно джизирца и убийцы (Н. Думбадзе «Я вижу солнце»).

«В своей стране ты посланец своей семьи, вне страны — посланец своей родины, ибо на родине твои поступки — это лицо твой семьи, а за ее пределами они лицо твоего народа» (Ч. Амиразджиби «Дата Туташиа»).

Если человек не признает честь своей семьи, если один лишь страх поселился в его душе, то судьба его, прожигая он хоть до ста лет, будет незавидна, как у Кайхосро Макабели.

Человек, сохранивший и мужество и доблесть перед кончиной, — воистину Человек. В мировой литературе героев часто испытывают смертью — это их последний подвиг.

Никому на жизнь земную невозможно положиться: И моргнуть мы не успеем, как она уже протечет. Для чего ж нам то, что ищем?

Подведет судьба-срамница! Благо тем, кто ладит с нею и кончины не боится! (Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»).

Без страха, умиротворенный, умирает Андрей Болконский. Ахилл соглашается принять участие в походе против Трои, хоть и знает, что под стенами этого города его ждет смерть. Спокойно, сознавая, что он выполнил свой долг, умирает Роланд: «Граф головою на плечо поник и, руки на груди сложив, почил».

С достоинством встречают смерть и бабушка Зурикелы, и Кукарача, и Дата Туташиа. Кайхосро же их антипод, антигерой, — фальшиво прожив жизнь, не может без ужаса думать о ее конце.

Мужество и честь, надежда и гордость, сострадание, жалость и жертвенность призывают поддерживать в человеке книги Н. Думбадзе, Ч. Амиразджиби, О. Чиладзе.

У ПИСАТЕЛЯ тысячи и тысячи соавторов. Они живут рядом с ним и своими делами и думами участвуют в создании произведения. Ради них и благодаря им художник берется за перо. И что бы он ни писал — исторический роман или повесть о наших днях, он всегда должен помнить о том, чем живет и дышит его народ. Потому-то Дата, Бачана, Нико, хоть и живут лишь на страницах книг, да еще и в разные эпохи, но они наши современники, братья по духу.

Я упомянул лишь трех советских грузинских писателей, но они не одиноки, как и любой талант, рост которого невозможен без благодатной почвы, без расцвета культуры.

Грузинская литература, грузинский кинематограф, грузинское музыкальное искусство — эти сочетания слов слышатся все чаще и чаще. И это означает, что грузинский народ живет богатой духовной жизнью. Он не пассивно наблюдает за событиями, а деятельно трудится, мыслит, познает.

М. ВОСТРЫШЕВ.

ЧИТАЯ ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОБСТВЕННЫЙ ЛАД

перетолковывать мир. А стало быть, весь вопрос в том, обладает ли он собственным ладом. Остальное приложится».

СОБСТВЕННЫЙ лад Нодара Думбадзе... В литературу шагнул веселый мальчик Зурикела. Его хохотом, проказами, карнавальными забавами, кажется, пропитана вся Гурия. Звонкий, солнечный смех тьма не в силах заслонить ни на миг. Зурикела, Илико, Илларион любовью к почти языческой жизни, неразделимой с природой, с матерью-землей, своей бесшабашностью напоминают Пантагрюэля и его друзей. Но при этом Н. Думбадзе удалось создать реалистическое произведение, может быть, благодаря образу бабушки, которая не дает погаснуть домашнему очагу, а значит, и веселью, ведь любая шутка застрянет в горле, если у человека нет дома, опоры.

Блестящим диалогом, а не приманчивым сюжетом, морально жизнерадостного человека, а не засушенно-

дай нас, сжался над нами! Мы будем любить друг друга и смерть свою отныне обращаем в любовь! Мы пойдем — Автандил, отец Иорам и я, твоим именем, попросим людей земли вернуть тебе любовь! Я верю, человечество внемлет твоему зову, предаст забвению ненависть, вновь возродит на земле любовь! Дай только нам семена любви и благослови нас!».

СОБСТВЕННЫЙ лад Чабуа Амиразджиби... Его героя — Дату Туташиа волнует вечный вопрос: «Что делать человеку, который не знает, как быть и жить дальше?». Дон Кихот избрал свой, единственно для него пригодный путь, Дата — свой. Он — абраг, человек вне закона, но его существование немисливо без престанного бдения духа за чистоту нравственного закона. Ч. Амиразджиби сталкивает Дату с двойником — антиподом — Мушни Зарандиа. Оба брата сами управляют своей судьбой, про них не скажешь: «Но

геди и его помощниками? Между борьбой, целью которой — материальные преуспевание и духовные плоды? Думайте о «коммуне» Абеля — Архипа — фашистском государстве, о «службе слухов», учрежденной Мушни Зарандиа.

Образ «благородного разбойника» изобразил еще Илья Чавчавадзе в одной из своих поэм. Ч. Амиразджиби лишил абрага романтической окраски — его герой ошибается, мечется. Но он никогда не приспособливается к обстоятельствам, не жертвует ничем ради собственного успокоения.

Писатель то улыбается («Глаз Шивы»), то смеется («Мой дядя чувячник»), то страдает («Исповедь быка»), и всегда искренне, неподдельно. В «Дата Туташиа» уже явственно проступает многоголосие, и стилистическое, и жанровое.

СОБСТВЕННЫЙ лад Отара Чиладзе... Необычен, будто шум спокойного моря, слог писателя. Сначала теряешься — не слишком ли медлен-